

В КВАРТИРЕ дирижера местного симфонического оркестра в американском городе Солт-Лейк-Сити, штат Юта, раздался телефонный звонок. Если дирижер исполнит объявленную в сегодняшней программе Пятую симфонию Прокофьева, то он, дирижер, будет убит или, если угодно, искалечен. Незнакомый голос звучал в трубке с тем зловещим спокойствием, которое не предвещало ничего хорошего. Должно быть, маэстро пришлось пережить немало неприятных минут, прежде чем он решился оставить симфонию в программе, не забыв, конечно, позвонить в полицию.

История с телефонным звонком в Солт-Лейк-Сити с легкой руки корреспондента агентства Ассошиэтед Пресс стала достоянием мировой общественности. В 1951 году Сергей Прокофьев выступил по этому поводу в журнале «Новости», выходящем и на английском языке. «Почему грозили дирижеру, — писал он, — собиравшемуся исполнить Пятую симфонию? Не потому ли, что это музыкальное произведение прославляет свободу человеческого духа?

В Пятой симфонии я хотел воспеть свободного и счастливого человека, его могучие силы, его благородство, его духовную чистоту. Не могу сказать, что я эту тему выбирал, — она родилась во мне и требовала выхода. Я написал такую музыку, какая зрела и, наконец, наполнила мою душу».

«Там время и история, война, патриотизм, победа...» — писал о Пятой симфонии Святослав Рихтер. Пятая завершила целый большой период в творчестве композитора. А возникновение ее замысла связано с тем коротким, но необычайно плодотворным периодом в прокофьевском творчестве, когда летом 1943 года по приглашению Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова композитор вместе с женой приехал в Пермь.

Пермское лето Сергея Прокофьева недостаточно изучено. В недавно вышедшей книге Сергея Морозова «Прокофьев» (серия «Жизнь замечательных людей»), например, теме этой посвящено от силы десять

строк. А между тем сам Прокофьев писал о Перми много и подробно. В мае 1944 года он передал для Совинформбюро статью «Художник и война». Вот только одна цитата из нее:

«Я приехал в город Пермь для того, чтобы закончить балет «Золушка», работа над которым была прервана летом 1941 года. Многие страны, многие народы знают и любят сказку о Золушке. В сборнике русских народных сказок Афанасьева мы находим ее под назва-

мой сонатой для фортепьяно, над сюитой из балета «Ромео и Джульетта», собирает «тематический материал» для знаменитой Пятой симфонии.

«Вдруг стало видно далеко во все концы света» — эти голые слова, пожалуй, точнее всего определяют то, что дали великому музыканту эти несколько месяцев жизни в городе на высоком камском берегу. Он видел мужество и непреклонную волю людей — машиностроителей, речников, артистов, детей и женщин, веч-

как он жив и весел, а комедии нам очень нужны». И дальше: «Спектакль пользуется большим успехом у пермской публики, а вытянутые лица тщетно ждущих у театра перед началом спектакля, не вернет ли кто-нибудь билет, лишний раз свидетельствуют о том, как нужны в наши дни веселье, жизнерадостные спектакли».

Произведения, написанные или задуманные в Перми, были исполнены сразу после возвращения Прокофьева в Москву осенью 1943 года. Сюита «Семен Котко», кантата «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», соната для флейты и фортепьяно в своем скрипичном варианте, созданном Давидом Ойстрахом, получившая название Второй скрипичной сонаты. 13 января 1945 года в Большом зале консерватории Сергей Прокофьев продирижировал Пятую симфонию, 21 ноября 1945 года в Москве прошла премьера «Золушки» с Галиной Улановой и Михаилом Габовичем...

В Перми после войны был поставлен один из трех классических прокофьевских балетов — «Ромео и Джульетта». В 1960 году пермский театр первым в стране возобновил оперу «Семен Котко», партитура которой почти двадцать лет хранилась на полках театральных библиотек. В сезон своего столетия коллектив покажет «Дуэньку». Для увековечения памяти о выдающемся музыканте в Перми можно сделать и больше. Филармония стоило бы заинтересоваться связанным с Пермью разделом прокофьевского наследия. Кантата «Баллада о мальчике...» (для тенора, сопрано, хора и оркестра) и соната для флейты и фортепьяно (в первоначальном варианте) исполнялись всего один раз, а цикл из десяти фортепьянных пьес из «Золушки», изданный в Музгизе в 1944 году, с концертной эстрады не звучал вообще.

Где в Перми жили Прокофьевы? Вопрос интересный и не совсем ясный. Выяснить это могли бы помочь пермские старожилы. Появление мемориальной доски в память о пермском лете Прокофьева на улице, названной в его честь, было бы сейчас и к месту, и ко времени.

Ю. НАДЕЖДИН.

Журналист в поиске

ПЕРМСКОЕ ЛЕТО Сергея Прокофьева

нием «Маша-чернушка»... Одновременно с «Золушкой» я занимался оркестровкой кантаты «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» и параллельно с этим написал сонату для флейты и фортепьяно в 4-х частях. Меня давно привлекал этот инструмент, и мне казалось, что он недостаточно использован в музыкальной литературе. Мне хотелось, чтобы соната звучала в светлых и прозрачных классических тонах.

...По моей опере «Семен Котко» я сочинил симфоническую сюиту под тем же названием о борьбе с немцами на Украине в 1913 году... Работая над ней, я выбрал из оперы то, что мне казалось лучшим со стороны музыкальной, и то, что особенно переключается с сегодняшней борьбой с немцами».

В Перми Прокофьев готовит к печати клавиш оперы «Обручение в монастыре» («Дуэнька») и посылает его в Москву на имя редактора Музгиза Атовьяна, завершает цикл фортепьянных пьес на музыку из балета «Золушка», продолжает работу над лирической Рос-

ное звездное небо вставало по ночам над городом. Могучая река проносила мимо свои воды, он вслушивался в них — и это был для него неумолчный ход времени.

Композитор делает в Перми наброски в свои автобиографические записные книжки. Ведет переписку с Сергеем Эйзенштейном о продолжении работы над музыкой к первой серии «Ивана Грозного». Вынашивает мысль о совместной с Эйзенштейном постановке оперы «Война и мир». Информировать бюро музыкальной секции ВОКСа о своих творческих делах. Посылает туда запросы относительно договоров на исполнение своих произведений за рубежом (кстати, в странах, оккупированных фашистской Германией, музыка С. Прокофьева была запрещена). Пишет рецензии на спектакли Кировского театра.

О балете Гертеля «Тщетная предосторожность» он пишет («Советское искусство», 28 августа 1943 года): «...Выбор Ленинградского академического театра имени Кирова... надо признать очень удачным, так